

УДК 39(=56.571.651):316.4:94

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК ЭСКИМОСОВ ОСТРОВА ВРАНГЕЛЯ В 1930–1940-х гг.

Хаховская Л. Н.

*ФГБУН Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
им. Н. А. Шило ДВО РАН, г. Магадан
E-mail: hahovskaya@gmail.com*

Прослежена динамика этнического и социального облика коренного населения о. Врангеля в 1930–1940-х гг. Проанализированы изменения в сфере природопользования, материальной культуры, социальной организации. Обсуждаются характер и результаты внешнего влияния на аборигенное сообщество. Прослеженные на примере обитателей острова социальные изменения в замкнутом этническом сообществе при ослаблении внешней поддержки характеризуются как негативные. Среди островитян получили распространение иждивенческие тенденции в повседневной жизни и природопользовании. Данный социальный сдвиг повлек за собой неравномерное распределение трудовых усилий по жизнеобеспечению среди работоспособных членов сообщества. Асимметрия трудовой нагрузки привела к ослаблению внутренних связей и разобщению этнического сообщества на отдельные домохозяйства.

Ключевые слова: о. Врангеля, эскимосы, этнолокальное сообщество, морской промысел, охота, материальная культура, социальные сдвиги, иждивенческое поведение.

DOI: 10.34078/1814-0998-2022-1-113-119

Для истории и антропологии большой интерес представляет исследование жизнедеятельности небольших этнолокальных сообществ, ведущих традиционное природопользование в сложных климатических условиях. Такие работы выявляют, каким образом происходит распределение и перераспределение социальных ролей внутри коллектива, в каком направлении происходит его этнокультурная эволюция, какую роль играет внешнее влияние на аборигенное сообщество. В статье прослеживаются эти аспекты посредством анализа динамики социокультурного облика коренного населения о. Врангеля в 1930–1940-х гг. Эти временные рамки охватывают и начальный период колонизации, и время укоренения этнолокального сообщества на новой территории. В методологическом плане представленная работа опирается на микроисторический анализ, подразумевающий такое укрупнение масштаба исследования, при котором различными становятся персональные характеристики, личностные взаимоотношения, локальные жизненные траектории. Этот срез дает возможность наблюдать «сцены» социальной жизни на микроуровне. Источником послужили опубликованные работы и архивные документы, подробно описы-

вающие обстоятельства жизни аборигенных семей о. Врангеля в указанный период.

Остров Врангеля в досоветский период являлся частью Российской империи, хотя и был необитаем. В первые советские годы он стал объектом притязаний со стороны Великобритании и США, которые в целях удержания острова за собой пытались поселить там своих граждан. Советское государство предприняло усилия для противодействия иностранной экспансии и сохранения этой территории в своем составе. В 1924 г. участники экспедиции Б. В. Давыдова на канонерской лодке «Красный Октябрь» достигли острова и водрузили на нем государственный флаг СССР. Экипаж «Красного Октября» пробыл на острове пять дней, с 19 по 23 августа 1924 г. Оттуда они вывезли 14 американских колонистов, в числе которых было 13 эскимосов (Давыдов, 1925; Бей, 2020; Лебединцев, 2020). Так началась советская колонизация острова. Но для действительного закрепления территории требовалось сделать ее обитаемой.

Эта задача была решена в 1926 г. экспедицией Георгия Алексеевича Ушакова. С ним на остров прибыли эскимосы в составе девяти семей, ранее проживавших в селах Провидения (6 семей) и Чаплино (3 семьи). Кроме того, переселились три семьи промысловиков из числа русских старожилов (Минеев, 1946. С. 50). Всего колони-

стов насчитывалось 61 чел., из них эскимосов-аборигенов – 51 чел. Именно аборигены стали постоянными жителями острова, в отличие от русских, которым предстояло смениться через три года. Первое поселение колонисты основали в бух. Роджерс, где были возведены жилые и служебные строения, в том числе здание полярной станции, склады, дом для администрации и эскимосские яранги.

Остров Врангеля являлся территорией с крайне суровым климатом, мало пригодной для постоянного обитания больших групп людей. Закономерно поэтому, что характер освоения острова стал мобилизационным, свойственным раннесоветскому периоду. Мотивация переселения со стороны аборигенов-эскимосов в значительной мере основывалась на том, что они разделили энтузиазм и целеустремленность советских сотрудников, которым предстояло прожить на острове лишь ограниченное время. Этим жизненным установкам соответствовала экономическая и трудовая поддержка колонистов, которую начала осуществлять советская администрация острова.

Приехавшие с Г. А. Ушаковым аборигены были малоимущими, они имели крайне ограниченное количество ездовых собак, оружия, плавательных средств для морской охоты. Как отмечал первый советский «начальник острова», у провиденцев «на шесть семей один вельбот, одна байдара, полторы упряжки собак и не больше полусотни патронов. По приезде на остров придется полностью снабдить эскимосов всем необходимым» (Ушаков, 1972. С. 23). Действительно, основную часть снаряжения и бытовой утвари колонистам предоставила советская администрация острова. Специально для аборигенов на Камчатке и Чукотке приобрели более 100 собак, обеспечив таким образом все домохозяйства. Уже на острове Г. А. Ушаков выдавал поселенцам винтовки, боеприпасы, снаряжение, продукты, меховые шкуры для одежды и яранг «в счет будущей добычи» (Там же. С. 36, 96).

Однако, по-видимому, в течение трех лет пребывания Г. А. Ушакова на острове колонисты не смогли полностью рассчитаться за полученные товары как по объективным, так и по субъективным причинам. Отмечая трудолюбие и надежность коренных жителей, он все же досадовал, что порой им не хватало решительности в той или иной работе. Сам Г. А. Ушаков увлекал их своим примером в охоте на моржей, в дальних поездках для разведывания и освоения ресурсов острова. Также его удивляло беспечное и недалекое поведение аборигенов: «Поразительна беззаботность людей... Пока есть мясо, ни за что не пойдут на охоту» (Там же. С. 118).

Помимо крайне сурового климата, в первоначальный период дополнительной сложностью жизни на острове для переселенцев стал иррациональный страх перед землей, которая не была своей, эскимосской, а потому таила множество сверхъестественных опасностей. В этом свете большую роль в успехе колонизации сыграли доверительные и теплые отношения эскимосов с русскими островитянами, и прежде всего с «начальником острова» Г. А. Ушаковым. Он убеждал людей не бояться злых духов, а смело выходить на охоту, не упускать благоприятных возможностей для заготовки мяса и жира на зиму (Там же. С. 83–85). Личность Г. А. Ушакова для аборигенных колонистов воплощала все те сильные черты, которые они видели в советской власти.

Три года, проведенных под его руководством, задали настрой жизнедеятельности островитян на достаточно долгое время. Сменившие экспедицию Г. А. Ушакова советские работники отмечали, что колонисты держались стойко. Новый глава администрации Арэф Иванович Минеев и его супруга писали: «эскимосы любят шутить и смеяться, несмотря на тяжелую, почти первобытную жизнь среди угрюмой и дикой природы»; «они подвижны, любят пошутить и подшутить, но это прделывается ими беззлобно... У всех большое сознание своего человеческого достоинства» (Власова, 1935. С. 60; Минеев, 1946. С. 409). Сильным оставался в эскимосах изначально присущий им соревновательный дух: «туземцы в душе большие спортсмены. Каждый из них стремится иметь лучшую упряжку, чтобы обогнать своих товарищей, каждый из них стремится быть хорошим стрелком. В этом стремлении — не только спортивное чувство: хороший стрелок лучше будет промышлять». Кроме того, А. И. Минеев подчеркивал исключительную честность эскимосов, среди которых не было воровства (Минеев, 1946. С. 415–417).

Уровень благосостояния островитян, судя по всему, стал заметно выше, чем в местах их выхода (бывшего проживания): «Многие охотники приехали на остров полунищими и оборванными, без теплых шкур, со старыми, проржавевшими ружьями. Теперь их хозяйства крепко стали на ноги» (Там же. С. 76). В значительной степени это было связано с особенностями торговли советской администрации с эскимосами. По сути, это был прямой обмен продуктов промысла – песцового меха, медвежьих шкур и желчи, клыков моржей и бивней мамонтов – на необходимые аборигенам продукты и товары. А. И. Минеев отмечал, что торговля носила двойственный характер. С одной стороны, она в обязательном порядке обеспечивала основные потребности эскимосов, а с другой – была дифференциро-

ванной в зависимости от количества и качества добычи. Иными словами, все необходимое для жизни, включая продукты (мука, сахар, кирпичный чай, махорка, спички, жевательный табак), патроны, сырье для одежды (пыжики и камусы) выдавались каждой семье независимо от результатов охоты. В то же время дорогие товары и деликатесы – конфеты, печенье, байховый чай, дорогие сорта трубчатого табака, особый жевательный табак – можно было приобрести только за пушнину, клыки и бивни. Таким образом советские руководители старались развить в охотниках инициативу и предпринимательство, побудить их активнее охотиться.

Обживание территории острова происходило неравномерно: периоды широкого расселения сменялись концентрацией на ограниченном пространстве. Стратегия Г. А. Ушакова по организации жизни аборигенов и освоению ресурсов острова состояла в том, чтобы максимально расконцентрировать колонистов и расселить их в удобных для промысла местах. Бухта Роджерс, наиболее пригодная для подхода морских судов, была небогата природными ресурсами. Поэтому вскоре после прибытия первая группа эскимосов (семьи Таяна и Анъялыка) переселились в бух. Сомнительная в 30 км к западу, где можно было добывать моржей. Позднее к ним присоединилась семья Тагью.

Следующей зимой 1927/28 г. три семьи эскимосов – Аналько, Кмо и Етуи основали новое поселение в северной части острова, на косе Андрианова. Русский промысловик И. Скурихин построил зимовье в местечке Скала, к западу от бух. Сомнительная, и зажил там с женой и дочерью. Еще через год в северной части, на косе Бруч, поселились эскимосы Кивьян и Ннок. А. И. Минеев поддерживал первоначальную инициативу по освоению силами аборигенов возможно большего пространства, поскольку это увеличивало добычу и было выгодно как аборигенам, так и государству. В западную часть острова, в район м. Блоссом, переселились эскимосы Анъялык, Паля, Тагью и Таян; русский промысловик С. П. Старцев обосновался в бух. Предательская. Проживали они не в одном месте, а на достаточно большом расстоянии друг от друга. Как отмечал А. И. Минеев, «эскимосские зимовья на острове состояли из одной, редко из двух семей» (Там же. С. 408). В дальнейшем эскимосы довольно часто меняли места зимовий в зависимости от размера и условий добычи морского зверя и песка. Так, Тагью из бух. Сомнительная переселился сначала на восток, в устье р. Клэр, затем на запад, в устье р. Гусиная. Сюда же, на Гусиную, к нему перебрались с севера его братья Етуи и Кмо.

Зимой 1932/33 г. остров покинули русский промысловик И. Скурихин и эскимос Анъялык

с братьями. На их зимовьях поселились, соответственно, эскимос Ннок с косы Бруч и молодой эскимос Анакак, впервые самостоятельно вышедший на промысел. В 1934 г. на остров прибыли новые колонисты-аборигены – эскимос Таграк с женой и большая семья Степана Попова, состоящая из 11 человек (Там же. С. 98, 140, 173). А. И. Минеев назвал главу семьи чукчей, но, скорее всего, он был старожилом этнически смешанного происхождения. Это подтверждается указанием на его дочь Марию как на камчадалку (Теин, 1983. С. 35).

После отъезда А. И. Минеева зима 1934/35 г. оказалась крайне тяжелой для аборигенов колонистов главным образом из-за организационных просчетов и даже целенаправленного саботажа со стороны нового начальника острова (Дело..., эл. ресурс). Островитяне не сумели заготовить достаточное количество мяса и жира, что привело к падежу собак, болезням и смертям среди людей. В эту зиму умерли эскимосы-первопоселенцы Тагью, Етуи, Навок, Аналько, а также приехавший всего год назад эскимос Таграк. Поэтому новая администрация приняла решение сосредоточить колонистов в одном месте: все они зимовали в поселке бухты Роджерс и вместо индивидуального промысла вели охоту бригадами (Минеев, 1946. С. 176–180).

В дальнейшем ситуация существенно улучшилась, что вновь повлекло за собой более широкое расселение промысловиков. В предвоенное время жизнь на острове заметно оживилась. Стали регулярными рейсы пароходов, организовано воздушное сообщение. На острове работали научные экспедиции, велись геологические изыскания. Были построены новые жилые дома, школа, интернат, метеостанция, астропункт, ветровая электростанция, теплица. Появился механизированный транспорт – трактор, вездеход. В 1938 г. начальником острова впервые стал представитель аборигенов, эскимос Таян.

Традиционный образ жизнедеятельности эскимосов-переселенцев существенным образом изменился. В сфере материальной культуры в первую очередь это коснулось жилищ. Вместо яранг с меховым покрытием и открытым очагом они, по примеру русских островитян, стали строить из плавникового леса избушки с печью. Печное отопление повлекло за собой существенные сдвиги в бытовой культуре и поведении – исчезли внутренние меховые пологи, но появились нары, так как спать на полу было холодно. Далее, в домах нельзя было находиться ни в меховой одежде, как в яранге, ни нагишом, как в пологе. И мужчины, и женщины, и дети стали привыкать носить в домашних условиях нижнее белье и легкую матерчатую одежду. Эскимоски научились шить простую одежду – платья,

рубашки; стирать одежду и белье; готовить несложные блюда – суп, кашу, кисель, отварные макароны и картофель (Власова, 1935. С. 62).

После переселения на остров у эскимосов резко изменился характер промысла. На Чукотском полуострове они занимались в основном морской охотой, продукция которой как употреблялась внутри домохозяйств, так и шла на обмен с оленеводами. Кожи и жир морских животных выменивались на мясо, шкуры и сухожилия оленей. На о. Врангеля за все годы советской колонизации промысел морских животных (главным образом моржей) не принял товарный характер, поскольку оказалось невозможным создать условия для обработки и хранения больших объемов жира и шкур. Морская охота в итоге обслуживала только внутренние нужды: ежегодно островитяне добывали 120–150 моржей, в среднем по 10 туш на семью. Мясо шло в пищу людям, на корм собакам и на приманку для песцов; жир использовали для освещения и отопления, частично для собак. Эскимосы снимали и обрабатывали только незначительное количество моржовых шкур для себя, основная же масса туш разрубалась вместе со шкурой. Товарной продукцией являлся только моржовый клык, который сдавали в факторию.

Промысел эскимосов сместился с моря на сушу: приоритетной стала добыча песка и белого медведя. Это было выгодно для советской экономики, поскольку песцовые и медвежьи шкуры пользовались хорошим спросом на международном рынке, приносили валютную прибыль и в то время хорошо выдерживали длительное хранение в ожидании прибытия парохода, которое иногда длилось несколько лет. В свою очередь, для эскимосов теперь главной стороной в обменных операциях стало государство. В фактории они получали не только привозные товары и продукты, но и олени шкуры, камусы и сухожилия.

Эскимосы-переселенцы были знакомы с приемами охоты на медведя, поскольку и в местах выхода периодически добывали зверя как на открытой местности, так и в берлоге. Но они не умели добывать песка, который никогда не был традиционным объектом промысла. Уже на острове русский промысловик И. Скурихин обучал аборигенов тонкостям пушной охоты: умению раскладывать приваду, настраивать капканы, снимать и обрабатывать шкурки (Минеев, 1946. С. 61). Удачливые охотники за зимний сезон заготавливали до 700 шкурок песка.

В годы Великой Отечественной войны ситуация на острове в значительной степени осложнилась. В первую очередь это было вызвано внешними причинами. Реже приходили пароходы, гораздо более скудным стало снабжение, начала

ощущаться нехватка в огнестрельном оружии и боеприпасах, маломерных судах для промысла. Одновременно происходили внутренние социокультурные сдвиги в этнолокальном сообществе, которые были вызваны, во-первых, сменой поколений; во-вторых, длительным тесным соседством с обеспечивающей советской стороной; в-третьих, воспроизводством в сложных обстоятельствах некоторых архаических социальных практик.

В 1944 г., спустя 18 лет после заселения, из первых колонистов – глав семей – на острове остались только Кивьян и Нноко, а также захвативший в 1934 г. Степан Попов. Самостоятельно вела хозяйство вдова первопоселенца Кмо, умершего в 1942 г. Кроме того, основали собственные семьи и домохозяйства дети первопоселенцев, эскимосы Айнафак, Анакуля, Анакак и Нанаун. Еще один молодой абориген, эскимос Альпаун, проживал одиноко. Таким образом, на острове находилось 9 семей, общая численность аборигенов составляла 39 человек. При одинаковом количестве семей численность аборигенов уменьшилась на 12 чел. по сравнению с численностью в 1926 г.

По мнению начальника полярной станции ГУСМП Иосифа Флориановича Битриха, который в годы войны одновременно официально являлся начальником фактории и неофициально главой администрации острова, к 1940-м гг. в этнолокальном сообществе островитян проявились негативные тенденции, которые заключались в распространении иждивенческого настроя: *«Часть семей, в свое время завезенные на остров, выехали. Старики постепенно умирают, остаются семьи, к тому же с малыми детьми. Они ложатся буквально грузом на отдельных промышленников и им никогда не подняться, так как обеспечить свою семью и семьи соседа или родственника один не сможет. <...> В свое время завезенные с материка семьи эскимосов на сегодняшний день не оправдывают своего назначения. Причин этому, на мой взгляд, много: во-первых, считаю, что в течение ряда лет вследствие неправильного подхода к делу организации местного населения проводилась неверная иждивенческая практика. Отсюда и понятна беспечность местного населения по отношению к промыслу и к личному обеспечению своего существования. Отсутствие инициативы, предприимчивости, заботы о завтрашнем дне на сегодня являются основной чертой почти всего небольшого населения острова Врангеля»* [Государственный архив Магаданской области (ГАМО), ф. П-355, оп. 2, д. 40, лл. 22, 23].

По изначально заданной первопоселенцами традиции, семьи колонистов и в годы войны проживали рассеянно, образуя точечные места обитания в разных частях острова. Кивьян, Айнафак

и Нноко проживали на севере (район косы Бруч и Андрианова), при этом яранги первых двух стояли в одном месте, а Нноко находился в 25 км к западу от них. Эскимос Анакуля с семьей проживал при полярной станции в бух. Роджерс, помогал сотрудникам станции и охотился вместе с ними. В 80 км от станции, на берегу бух. Сомнительная, обосновался Степан Попов с семьей, по этнической принадлежности, по-видимому, не относившийся к эскимосам, но связанный с ними тесными родственными узами. Анакак жил и охотился вначале на м. Блоссом, позднее перебрался западнее, на м. Фомы. В 30 км к северу от жилища Анакака, на р. Гусиная, проживала вдова Кмо Анакат с восемью детьми, старшему из которых было 16 лет. Недалеко от устья р. Драм-Хед, в 20 км на север от Гусиной, жил эскимос Нанаун с семьей. Его брат Альпаун поселился в избушке в 40 км к северу, в районе бух. Песцовая.

Согласно характеристике И. Ф. Битриха, эскимосы, а в особенности молодое их поколение, отличались беззаботностью, благодушием и безынициативностью. Они могли хорошо работать, но для этого требовалась постоянная «подгонка» со стороны [Там же, лл. 24, 25]. Такое положение дел, впрочем, существовало изначально, с первых лет жизни колонистов на острове, и, по-видимому, было присуще традиционному обществу. Однако, спустя почти два десятка лет, в среде эскимосов появились два новых для островитян социальных явления, сходных по вызвавшим их причинам, но имевших различную природу.

Во-первых, появились случаи воровства, совершенно отсутствовавшие прежде. Тем более удивительно, что такое поведение было замечено у одного из эскимосов-первопоселенцев. По мнению начальника станции, этот колонист характеризовался как *«довольно живой, энергичный, ... грамотный, развитее остальных охотников, когда-то изучал метеорологию на станции»*. При этом он *«станцию считает обязанной все ему давать, при приезде на станцию берет все, что ему нужно, не считая это ненормальным явлением. Имеются жалобы со стороны Кивьяна и Айнафака о воровстве у них охотником [имярек] продуктов и других предметов. <...> Имеется целый ряд ... моментов, говорящих о нечистоплотности охотника [имярек]»* [Там же, л. 24]. Нечистым на руку также оказался молодой 22-летний эскимос, который вырос на острове, однако не перенял лучшие черты первых колонистов: *«[имярек] крайне беззаботен, промыслом интересуется слабо, крайне развращен ленью, ворует у своих же охотников, также на станции что попадет под руку, в особенности съестное»* [Там же]. Систематическое во-

ровство, по-видимому, следует считать крайним выражением иждивенческого настроения в эскимосской среде, при котором отдельные островитяне стали воспринимать как само собой разумеющееся не только базовое обеспечение со стороны администрации, но и желание иметь блага сверх этого обеспечения. Более того, случаи присвоения чужого имущества, которые можно считать сдвигом, возникшим в условиях межэтнического взаимодействия, были перенесены и в среду соплеменников, нанося им ущерб как в материальном, так и в моральном плане.

Во-вторых, отражением иждивенческих установок стали случаи необоснованного внутрисемейного социального паразитизма, ярко проявившиеся именно в сложных условиях военного времени. Уже упоминавшийся молодой эскимос, имея собственное жилище, предпочитал жить у сородичей *«в зависимости от наличия [у них] продуктов»* и *«кормиться за чужой счет»* [Там же, лл. 22об., 24]. Но особенно впечатляющим среди аборигенов-островитян в этот период стало социальное иждивенчество семьи Поповых. Эта семья состояла из главы, его жены и трех сыновей, один которых был инвалидом, ослепшим после менингита (Минеев, 1946. С. 233), второй – подростком, а третий – взрослым работоспособным человеком. Однако, в отличие от других мужчин, ни глава семьи, ни его взрослый сын заготовкой мяса и жира для своей семьи не занимались (*«промыслом ... абсолютно не интересуются»*), а проблему обеспечения решали с помощью *«спекуляции на дочерях и высасывания зятьев»* [ГАМО, ф. П-355, оп. 2, д. 40, лл. 23об., 24].

Дело заключалось в существовании особых родственных уз, наличие которых давало главе семьи определенную власть над другими членами сообщества: два молодых эскимосских охотника, Анакак и Нанаун, были женаты на дочерях Попова. Однако в условиях замкнутого коллектива, находящегося в экстремальных обстоятельствах, эта практикуемая в традиционной культуре зависимость приняла гипертрофированные размеры. Как видно из архивных документов, *«пользуясь этим, Поповы всячески буквально высасывают Нанауна и Анакака, а в случае же если [они] заупрямятся, просто-напросто предлагают дочерям переходить домой к родителям, что те и выполняют, а мужья волей-неволей достают продукты»*; *«Семья Попова является не меньше как трупнем на плечах Нанауна и Анакака как зятьев и полностью их объедает»* [Там же, л. 23об.]. Анакак и Нанаун даже предприняли попытку уйти от шантажирующего давления родственников, переселившись подальше от них, однако этот маневр результата не принес.

Описанные социальные явления, по нашему мнению, имеют различную генеалогию и степень укорененности в этнической среде. Если воровство в аборигенном обществе строго запрещалось и могло возникнуть лишь в ходе межэтнических контактов, то многолетняя трудовая эксплуатация жениха со стороны семьи невесты – это освященный временем, легитимный социальный институт традиционного уклада. В данном случае его возрождению и расцвету способствовали как стесненные вследствие внешних причин обстоятельства жизни островитян, так и личные качества отдельных членов этнолокального сообщества.

В первой половине 1940-х гг., как и большую часть времени до этого, эскимосы проживали на острове рассеянно, их жилища отстояли друг от друга на десятки километров. Но если в предыдущие годы рассеяние диктовалось внедренной извне практикой самостоятельно осваивать промысловые территории, то здесь оно отчасти стало результатом желания держать социальную дистанцию. Такое дистанцирование, по мнению администрации, мешало кооперации и еще больше ухудшало положение островитян: *«Несмотря на большие возможности в смысле добычи моржа, дичи, песка и т. д., добыча идет очень слабо, объясняю это и еще тем, что все население разобщено. Не знаю, как работали до сих пор приезжие с местным населением, но результат этой работы очень неважный. Надо было с самого начала проводить соответствующую работу к объединению населения, а фактически на сегодня мы имеем практику обратного направления»* [Там же, л. 22об.].

В сфере природопользования в предвоенный период коренные жители широко пользовались материальной и трудовой поддержкой приезжего коллектива. В сезон промысла администрация предоставляла в их пользование моторизированные вельботы, сотрудники станции и фактории совместно с эскимосами принимали участие в морском промысле, облегчая им тяжелый труд по добыче и разделке моржей. Однако в годы войны, в связи с сокращением штатов и выходом из строя маломерных судов и моторов, такой возможности не оказалось. В свою очередь, эскимосы не смогли смастерить традиционную байдару, рульмотор для которой предоставляла станция, что повлекло за собой невозможность полноценно охотиться и обеспечить себя запасами на зиму. Судя по всему, изготовлению байдары помешала отмеченная социальная разобщенность, поскольку этот труд требует участия большого числа мастеров и помощников. К осени 1944 г. все семьи эскимосов были вынуждены переселиться на полярную станцию в надежде на помощь со стороны [Там же, лл. 22, 23, 23об.].

В данной ситуации начальник полярной станции распорядился, во-первых, передать наиболее нуждающимся семьям мясо из резервных запасов; во-вторых, волевым решением организовал бригаду эскимосских охотников и отправил ее на промысел на станционном вельботе. В более отдаленной перспективе советская администрация видела выход в усилении именно коллективистского начала, объединении аборигенных жителей и организации их в одну промысловую артель, а также укреплении островного сообщества новыми колонистами: *«Необходима организация поселкового совета с соответствующими функциями органов местной власти... Необходимо сразу же организовать поселок в одном месте..., перебросить семей 8–10 хороших, старательных, энергичных охотников с материка, среди них должны быть такие, которые могли бы возглавить артель и ее организовать»* [Там же, л. 25]. Дальнейшее развитие событий на острове пошло именно по этому пути.

Подводя итог, следует отметить, что жизнь и быт коренных жителей о. Врангеля в 1930–1940-х гг. разворачивались в сложных, порой экстремальных условиях, особенно обострившихся в военное время. В этот период поддержка аборигенов со стороны советской администрации значительно ослабла. Кроме того, в самом аборигенном сообществе происходила смена поколений, и молодые охотники уже не наследовали первоначальный мобилизационный настрой и трудовой энтузиазм первопоселенцев. Среди островитян получили распространение иждивенческие тенденции в повседневной жизни и природопользовании. Эти социальные сдвиги повлекли за собой крайне неравномерное распределение трудовых усилий среди работоспособных членов сообщества. Основная тяжесть ведения промысла легла на небольшое число наиболее активных и ответственных охотников, которые, испытывая сильное социальное давление, были вынуждены постоянно прилагать сверхусилия в своем и без того нелегком труде. Асимметрия трудовой нагрузки в итоге привела к ослаблению внутренних связей и разобщению этнического сообщества на отдельные домохозяйства.

ЛИТЕРАТУРА

Бей Е. В. «Наш поход к острову должен быть возможно крепче обеспечен». Вклад Г. Д. Красинского в установление суверенитета СССР над островом Врангеля в 1921–1926 гг. // Вестник архивиста. 2020. № 3. С. 751–762.

Власова В. Ф. Эскимосы острова Врангеля // Советская Арктика. 1935. № 5. С. 60–65.

Давыдов Б. В. В тисках льда : Плавание канонерской лодки «Красный Октябрь» на остров Врангеля. Ленинград : Типография Морского ведомства, 1925. 32 с.

Дело бывшего начальника зимовки на острове Врангеля Семенчука и каюра Старцева [Электрон. ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/31278>

Лебединцев А. И. История открытия и заселения о. Врангеля / Форум «Наука Северо-Востока России: фундаментальные и прикладные исследования в Северной Пацифике и Арктике». Магадан, 5–6 марта 2020 г. [отв. ред. Н. А. Горячев].

Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2020. С. 179–182.

Минеев А. И. Остров Врангеля. Москва; Ленинград : Изд-во Главсевморпути, 1946. 432 с.

Теин Т. С. Тайна Чертова оврага. Магадан : Кн. изд-во, 1983. 94 с.

Ушаков Г. А. Остров метелей. Ленинград : Гидрометиздат, 1972. 176 с.

Поступила в редакцию 25.01.2022 г.

Поступила после доработки 10.02.2022 г.

SOCIOCULTURAL PROFILE OF WRANGEL ISLAND ESKIMOS IN THE 1930–1940s

L. N. Khakhovskaya

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute n. a. N. A. Shilo, FEB RAS, Magadan

The dynamics of the ethnic and social appearance of the indigenous population of Wrangel Island in the 1930–1940s is traced. Changes in environmental management, material culture, and social organization are analyzed. The nature and results of external influence on the aboriginal community are discussed. Social changes within a closed indigenous community with weakened external support, exemplified by the island population, are considered negative. Dependency trends in everyday life and nature management spread among the islanders. This social shift caused uneven distribution of work efforts for survival among capable community members. The asymmetry of the work load resulted in the weakening of internal ties and to the division of the ethnic community into individual households.

Keywords: Wrangel Island, Eskimos, ethnocultural community, marine hunting, hunting, material culture, social shifts, dependence behavior.

REFERENCES

Bei, E. V., 2020. “Our Trip to the Island Should Be as Secure as Possible.” G. D. Krasinsky Contribution to the Establishment of the USSR Sovereignty over Wrangel Island in 1921–1926, *Herald of an Archivist*. 3, 751–762 [In Russian].

Case of Semenchuk, the Former Head of Wintering on Wrangel Island, and Startsev, the Musher URL: <http://istmat.info/node/31278> [In Russian].

Davydov, B. V., 1925. In the Grip of Ice: Sailing of the Red October Gunboat to Wrangel Island. Leningrad [In Russian].

Lebedintsev, A. I., 2020. History of Discovery and Peopling Wrangel Island, Forum “Science in the Rus-

sian North-East: Fundamental and Applied Studies in the North Pacific and Arctic”. Magadan, March 5–6, 2020. Magadan, NEISRI FEB RAS. 179–182 [In Russian].

Mineyev, A. I., 1946. Wrangel Island. Moscow-Leningrad, Glavsevmorput’ [In Russian].

Tein, T. S., 1983. The Secret of the Devil’s Gully. Magadan [In Russian].

Ushakov, G. A., 1972. Island of Snowstorms. Leningrad, Gidrometizdat [In Russian].

Vlasova, V. F., 1935. Eskimos of Wrangel Island, *Sovetskaya Arktika*. 5, 60–65 [In Russian].